

П. В. Лукин

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

СРЕДНЕВЕКОВАЯ «ДЕМОКРАТИЯ»: «НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ» В НОВГОРОДЕ И ВЕНЕЦИИ

Автор предпринимает попытку сравнительного изучения «народных собраний» Новгорода и докоммунальной Венеции (вече и аренго соответственно). Статья представляет собой первую часть исследования и посвящена характеристике той большой роли, которую играли «народные собрания» как в Новгороде, так и в докоммунальной Венеции. Один из главных выводов статьи состоит в том, что, несмотря на то что эти собрания были аренами для довольно массового участия населения в политической жизни, в то же время они постоянно порождали нестабильность.

Ключевые слова: Новгород, Венеция, вече, аренго, сравнительно-исторический метод

В современной отечественной историографии Новгородской республики тотально господствует то, что условно можно назвать «демократическим дискурсом». Речь идет не о том, что историки, подобно А. Н. Радищеву в XVIII в. или декабристам в XIX в., непременно воспевают новгородскую «демократию» как альтернативу московскому самодержавию¹. Отношение к новгородской социально-политической «модели» у исследователей может быть очень разным. Фундаментальным является представление о благодати демократии, понимаемой как господство большинства населения или, во всяком случае, как активное участие низов общества в отправлении власти. Позиции ученых расходятся лишь в том, была ли в Новгороде «настоящая демократия», или это была только фикция, прикрывающая олигархический режим. С ответом на этот вопрос, как правило, связывается в сознании историков оценка новгородской государственности в целом и ее перспектив в частности.

В высшей степени существенно, что историки, с одной стороны, оценивают диаметрально противоположным образом степень новгородского «демократизма», с другой — исходят из одной и той же парадигмы, идеализируя при этом «вечевое народовластие». Здесь не место рассматривать подробно исторические корни этой парадигмы: черпая конкретный материал из построений историков второй половины XIX — XX в., сторонников господствовавшей тогда «земско-вечевой теории», она окончательно сформировалась в советское время в рамках официального марксизма с его сакрализацией общественных низов².

Превалирует «демократический дискурс» и в современной историографии. В качестве иллюстрации можно процитировать две книги, посвященные истории Новгорода и, что любопытно, вышедшие в одном и том же 2003 г. Во втором издании своей классической монографии о новгородских посадниках В. Л. Янин пишет: «Консолидация боярства [в XV в.] по существу ликвидировала вечевые порядки, отделив государство от вечевого собрания... Вместе с тем создание олигархических форм правления окончательно лишило боярское государство поддержки со стороны “черного люда”. Самоуправство бояр в судах, насильственные мобилизации населения для участия в антимосковских войнах, произвол в отношении к населению вотчин, политика, удовлетворяющая лишь правящее сословие, привели к закономерному падению боярской республики, не имевшей уже ничего общего ни с вечевым строем, ни с “новгородскими вольностями”, а бывшей уделом замкнутой касты земельной аристократии» [Янин, 2003, с. 490]. Диагноз поставлен вполне определенный: к моменту московского завоевания вече в Новгороде

¹ См. об этом подробное исследование: [Lübke, S. 58–224].

² См. о советской историографии ключевого для данной темы сюжета: [Халявин].

практически перестало существовать, низшие слои общества полностью разочаровались в новгородских политических институтах и соответствующей идеологии, и такое отсутствие «настоящей демократии» имело своим закономерным итогом падение республики. Отсюда можно сделать вывод о том, что историк понимает под строем, который закономерно мог бы привести Новгород к успеху: это строй, в котором право на участие в политической жизни имеют все слои населения и, прежде всего, «черный люд»; «вольности» представляют собой не идеологему, а отражение реальной политической практики и относятся не только к элите, но и к социальным низам; главным же органом является вече, которое при этом должно выступать в качестве органа народовластия.

В том же году выходит книга А. В. Петрова, представителя «школы» И. Я. Фроянова, автор которой полемизирует со многими построениями В. Л. Янина и, говоря о падении Новгородской республики, пишет: «...победа боярской олигархии не означала ни фактической ликвидации, ни вырождения вечевого народовластия. Изобильная парадоксами новгородская история не делала исключаящими друг друга понятия “вече” и “боярская олигархия”... В затронутом аспекте внутривластное развитие не подтачивало жизненные силы республики, приближая ее к краху, но стабилизировало ситуацию на берегах Волхова» [Петров, с. 302–303]. «Вечевое народовластие» остается в этой интерпретации вполне реальным явлением вплоть до утраты Новгородом независимости, и явлением однозначно положительным: оно, как думает А. В. Петров, могло только укреплять и стабилизировать новгородскую государственность.

Если свести данную историографическую ситуацию к простой формуле, получим следующее: «Народовластие, в любую эпоху и в любой ситуации или благотворно, или если оно не оказалось благотворным, то это “ненастоящее”, или фиктивное, народовластие». Как будет показано ниже, сторонники обеих концепций, о которых шла речь выше, по-разному, но вполне очевидным образом вынуждены закрывать глаза на несоответствие их построений ряду показаний источников, и главной причиной этого является, по нашему мнению, именно то, что они, говоря о средневековом Новгороде, одинаково основываются на «демократической парадигме»³.

Между тем известны средневековые республиканские города-государства, просуществовавшие значительно дольше независимого Новгорода, вплоть до конца XVIII – начала XIX в. Как там обстояло дело с народовластием?

В отечественной историографии уже неоднократно раздавались призывы к сравнению Новгорода и западноевропейских городских республик (см.: [Андреев, с. 145]). Так, В. Л. Янин призывал к сопоставлению Новгорода с Венецией и даже предложил некоторые пути такого сопоставления (в области государственной символики) [Янин, 2003, с. 353–354]. Но историк прошел мимо того обстоятельства, что подобное сопоставление может определенным образом поставить под вопрос его же собственные представления о причинах падения новгородской независимости. Если отстранение от власти рядового населения закономерно приводит к падению республики, то почему этого не произошло в Венеции или даже сравнительно небольшом Дубровнике, республике с политическим строем «венецианского» типа, где правящая аристократия превратилась *de facto* в касту, связанную тесными родственными узами [Krekić, p. 23–40]?

³ В последнее время новгородская «демократическая парадигма» подверглась справедливой критике в работах О. В. Севастьяновой [Sevastyanova; Севастьянова; Novgorod ou la Russie oubliée, p. 109–129, 141–157]. Однако ее нельзя считать полностью удачной (несмотря на заслуживающие всяческой поддержки призывы рассматривать Новгород в общеевропейском контексте и некоторые весьма ценные наблюдения). Во-первых, автор все равно в целом остается на почве «демократического дискурса»: основной ее пафос все-таки сводится к обоснованию того, что в течение большей части истории независимого Новгорода вече не было «настоящим» демократическим институтом, и в этом смысле ее позиция близка к позиции сторонников «олигархической» концепции (существенная разница, впрочем, заключается в том, что О. В. Севастьянова не делает отсюда вывод о «плохом» и «бесперспективном» Новгороде). Во-вторых, целый ряд ключевых для О. В. Севастьяновой тезисов, на наш взгляд, не находит подтверждения в источниках (см.: [Графова, Лукин]).

Поэтому имеет смысл самостоятельно предпринять попытку такого сопоставления, в центре которого будет ключевая проблема — судьба «народного собрания» как наиболее «демократического» политического института и становление городских советов как наиболее «олигархических» органов власти. В результате можно будет, во-первых, сделать некоторые предварительные выводы о том, в каком направлении происходила эволюция политического строя Новгорода и каково было при этом соотношение «демократических» и «олигархических» элементов; во-вторых, по-новому оценить «демократическую парадигму» исследований по истории средневекового Новгорода⁴.

О ранних этапах истории политического строя Венеции сведений не так много, но среди ученых нет больших разногласий в том, что «народное собрание» играло тогда существенную роль. Об этом подробно писал еще в начале XX в. Дж. Фьястри — автор специальной работы, посвященной этому [Fiastrì], и впоследствии, несмотря на те или иные уточнения, а также более критическое отношение к известиям поздних нарративных источников, его основные выводы не вызывали принципиальных возражений.

В наиболее ранних источниках для обозначения венецианского «народного собрания» использовались латинские лексемы: *placitum* (в средневековой латыни применявшееся к различного рода собраниям⁵) и *contio* — сходка, или словосочетания, в которых специальное обозначения отсутствует, но в качестве принимающих решения фигурирует «народ» (*populus*) или «венецианцы» (*Venetici*). В той же роли, причем не в нарративе, а в документе, может выступать даже самое общее *omnes* («все»)⁶. Между прочим, в тех случаях, когда собрание упоминается, оно само не выступает как субъект действия, на нем принимают решения лица и социальные группы. Так, согласно документу 919 г., решение принимается *in publico placito* дожем, представителями высшего духовенства, вместе с «первыми лицами» (*primatibus*) и «частью народа нашей земли» (*parte populi terrae nostrae*)⁷.

Contio обычно использовалось для обозначения собраний, на которых избирали дожа, *placitum* представляло собой более широкое и общее понятие. Однако между собраниями с разными названиями не существовало четких институциональных границ [Rösch, S. 62–63; Gasparri, 1992a, p. 797–798]. Позднее появляется термин *arengum* (итал. *arengo*) — слово, по-видимому, германского происхождения, хотя и с не вполне ясной этимологией. Предполагается, что оно образовалось из готского **hairhrings* («собрание вооруженных людей»), от *harjis* («войско») и **hrings* («круг, собрание»)⁸. Понятие *placitum*, будучи латинским, может восходить к обозначению соответствующего франкского института [Rösch, s. 55]⁹.

Здесь нужно отметить, что в венецианской исторической традиции и историографии XIX в. подчеркивались, как правило, преемственность венецианских и римско-византийских политико-правовых традиций и/или уникальность политико-правового строя Венецианской республики. В последнее время выясняется, однако, что взаимовлияние Венеции и регионов,

⁴ Обоснование возможности и необходимости сопоставления социально-политического строя и его истории в Новгороде и Венеции см. в более ранней работе: [Лукин, 2016]. К сказанному там можно также добавить, что проводившиеся в Венеции с 1960-х годов археологические исследования показали, что еще в VI–VII в. острова Венецианской лагуны были слабо заселены [Ammerman] — дополнительный аргумент против представления об античных корнях Венеции.

⁵ Niermeyer J. F. *Mediae latinitatis lexicon minor*. Leiden, 1976. P. 803–804.

⁶ Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille / A cura di R. Cessi. Padova, 1962. Vol. II. Sec. IX–X. P. 162. № 81.

⁷ Ibid. P. 44. № 31. См. также: Ibid. P. 70. № 41 (документ 960 г.): «...in publico placito (конъектура по другому списку вместо palatio. — П. Л.) diffinivimus atque statuimus hanc optimam constitutionem».

⁸ Battaglia S. *Grande dizionario della lingua italiana*. Torino, 1961. Vol. I. P. 641.

⁹ Слово происходит от глагола *placeo* («нравиться»; в средневековой латыни — «договариваться о ч.-л.») (Niermeyer J. F. *Mediae latinitatis lexicon minor*. P. 803–804; de Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston, 2008. (Leiden Indo-European Dictionary Series. Vol. 7). P. 469).

входивших в состав Королевства Италии и испытавших несомненно сильнейшее лангобардское и франкское воздействие, недооценивать не стоит.

Наиболее ясно это видно на примере венецианской юридической системы, которая была довольно специфичной. Вплоть до конца XII — начала XIII в. писаных законов там не существовало, а внутренняя жизнь Венеции регулировалась обычаями, который, в принципе, основывался на римском праве, прежде всего на его постклассической, то есть византийской, редакции, но также находился под влиянием права варварского — лангобардского и франкского [Kretschmayr, S. 342–343; Fasoli, p. 81; Gasparri, 1992a, p. 795].

Хотя венецианская историография подчеркивала древние корни Венеции, вплоть до того, что выводила происхождение ее жителей от троянцев, а название города возводила к мифическому троянскому герою Энею (что должно было доказывать изначальный характер независимости Венеции и благородство происхождения ее элиты) [Fortini Brown, p. 513–514], действительная история была несколько иной. Уже в древнейшей венецианской хронике дьякона Джованни (начало XI в.) рассказывается о самостоятельном избрании в 10-е годы VIII в. венецианцами (то есть в данном случае жителями Венецианской лагуны, так как собственно города Венеции с центром на Риальто еще не существовало) первого дожа — Павликия (Паолуччо; впоследствии он «получил» фамилию — Анафесто): «И вот во времена императора [Византии] Анастасия и Лиутпранда, короля лангобардов, все венецианцы, собравшись вместе с патриархом [Градо] и епископами, совместно постановили, что отныне более почетно для них будет пребывать под властью дождей, чем трибунов. И после долгого обсуждения о том, кого из них выдвинуть на этот высокий пост, они, наконец, нашли опытнейшего и славнейшего мужа по имени Павликий и, дав ему клятву верности, поставили дожем у города Эраклеи»¹⁰. В середине XIV в. дож и хронист Андреа Дандоло «установил» дату избрания Паолуччо дожем — 697 г., вошедшую, таким образом, в историческую традицию, и снабдил эту акцию необходимыми, легитимизирующими ее подробностями. Для его избрания, как выясняется, «собрались вместе трибуны, все знатные и плебеи, с патриархом, и с епископами, и со всем духовенством», «единодушно поставили дожем, по справедливости, и на равных осуществляя управление дукатом,¹¹ дали ему клятву и возвели на трон с инсигниями, полагающимися дожу»¹². Разумеется, описание Андреа Дандоло анахронично (достаточно упомянуть инсигнии, которых в VI в. не могло существовать); это текст, призванный продемонстрировать древность венецианской независимости, а также республиканских институтов и свобод. Что касается «народного собрания», то Андреа Дандоло писал, что в том же VI в., еще до лангобардского нашествия, в поселениях Венецианской лагуны было якобы обычным делом утверждение касавшихся всех постановлений «всеми собравшимися соотечественниками» (*ab omnibus conprovincialibus congregatis*)¹³.

В действительности, однако, и с возникновением власти дожа, и с древностью венецианского народного собрания все обстояло не так, как изображала позднейшая венецианская официальная историография¹⁴.

¹⁰ «Temporibus nempe imperatoris Anastasii et Liuprandi Langobardorum regis, omnes Venetici, una cum patriarcha et episcopis convenientes, communi consilio determinaverunt, quod dehinc honorabilius esse sub ducibus quam sub tribunis manere. Cumque diu pertractarent quem illorum ad hanc dignitatem proveherent, tandem invenerunt peritissimum et illustrem virum, Paulitionem nomine, cui iusiurandi fidem dantes, eum apud Eraclianam civitatem ducem constituerunt» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum* / Ed. e trad. di L. A. Berto. Bologna, 1999. II. 2. P. 94, здесь и далее переводы мои. — П.Л.). Трибуны — должностные лица в византийской Италии, подчиненные *dux*'у (герцогу, дожу) или *magistro militum* и управлявшие отдельными городами и крепостями, позднее это обозначение стало применяться к целому слою местной знати; Эраклея (Гераклея) — до 742 г. главный город Венецианской лагуны.

¹¹ То есть венецианской территории, находившейся под управлением дожа. — П.Л.

¹² *Andrea Danduli, ducis Venetiarum. Chronica per extensum descripta* / A cura di E. Pastorello. Bologna, 1938. (Rerum italicarum scriptores. T. XII. P. I). P. 105–106.

¹³ *Ibid.* P. 69. См.: [Cracco Ruggini, p. 69].

¹⁴ Об официальном характере *Chronica extensa* Дандоло см.: [Marin].

Венецианский дож изначально был должностным лицом, подчинявшимся экзарху Равенны, а через него — византийскому императору. Путь Венеции к независимости был долгим, и определить конкретную дату ее установления не представляется возможным: этот процесс занял длительное время (IX—XI в.), и в течение всего этого времени Венеция формально признавала «идеальное верховенство Византии» [Ravegnani, 2008]. Паолуччо-Павликий если и вообще существовал (в чем нет полной уверенности), то был не первым выборным дожем, а, скорее всего, являлся византийским чиновником [Ortalli, 1980, p. 364–366].

Что касается венецианского «народного собрания», то его истоки следует, вероятно, искать не в преемственности с позднеантичными городскими собраниями, следов которых в раннесредневековой Венеции не обнаруживается, а в «специфической городской институциональной и социальной реальности» Северной Италии этого и более раннего времени. Элементом этой реальности были франкские и лангобардские *placita*, в которых, в зависимости от обстоятельств, могла участвовать верхушка горожан [Gasparri, 1997, p. 72]¹⁵.

Наиболее ранние достоверные свидетельства о венецианских «народных собраниях», принимающих самостоятельные решения и играющих существенную роль в политической жизни, относятся к 80-м годам IX в. Приведем некоторые примеры.

Когда захворал правивший в 80-е годы IX в. дож Джованни II Партечипацио (Партичиако), он, согласно хронике дьякона Джованни, избрал себе в соправители своего младшего брата Пьетро, но сделал это с одобрения народа, точнее, после аккламации со стороны народа (*populo adclamante*)¹⁶. Однако Пьетро Партечипацио вскоре умер, и через какое-то время, в 887 г. соправителем заболевшего дожа Джованни II Партечипацио был избран Пьетро I Кандиано: «Потом, так как господин дож Джованни был скован немощью, [а] его брат отказался от поста дожа, венецианцы избрали себе дожа, а именно Пьетро по прозвищу Кандиано, в его собственном доме, в 17-й день апреля». Джованни признал его своим преемником, передав ему инсигнии: меч, скипетр и трон¹⁷. Наконец, после гибели в том же 887 г. Пьетро Кандиано в сражении со славянами-неретвянами все еще больной (но живой!) Джованни II Партечипацио, «умоляемый народом», вернулся во дворец и «дал разрешение народу выбрать для себя дожем того, кого он хочет». Тогда «все вместе избрали себе Пьетро, знатного мужа, сына Доменико Трибуно» (Пьетро Трибуно правил до своей смерти в 912 г.)¹⁸.

Эти события в историографии принято считать рубежными: если ранее венецианский *populus* лишь формально одобрял кандидатуру дожа, определенного его предшественником, то теперь он начинает принимать активное участие в избрании дожа [Pertusi, p. 65–66; Zordan, p. 49–52; Ortalli, 1992, p. 758]. Можно согласиться также с С. Гаспарри, который полагает, что в случае с аккламацией Пьетро Партечипацио «вмешательство народа в избрание еще не имело на этом этапе полностью структурированного характера». Действительно, дьякон Джованни, рассказывая о назначении нового соправителя после смерти Пьетро Партечипацио — другого

¹⁵ С. Гаспарри отмечает также элементы «атипичности» венецианского политического строя Венеции по сравнению с городами Северной Италии, главный из которых он усматривает в фигуре дожа. Ниже мы увидим, что сопоставление Венеции с Новгородом периода самостоятельности, где, наряду с «народным собранием» — вече — существовал и князь, показывает, что такая «атипичность» существует только на учитываемом историком региональном фоне [Gasparri, 1997, p. 77].

¹⁶ «Domnus siquidem Iohannes dux, corporis infirmitate detentus, Petrum minimum suum fratrem, populo adclamante, successorem sibi elegit» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum. III. 30. P. 144*).

¹⁷ «Deinde cum domnus dux adhuc infirmitate detentus, frater eius ducatum rennueret, Venetici ducem sibi constituerunt, Petrum videlicet, cognomento Candianum, infra domum ipsius, septima decima die mensis aprilis. Quem domnus Iohannes dux clementer ad palatium convocans, spatam fustemque ac sellam ei contradidit, eumque sibi successorem constituens» (*Ibid. III. 32. P. 146*). Об инсигниях дожа см.: [Ravegnani, 1992, p. 834–838].

¹⁸ «Tunc domnus Iohannes dux, quamvis adhuc infirmus, deprecante populo, ad palatium rediit, sed diucius stare nolens, licentiam populo dedit ut constitueret sibi ducem quem vellet. Tunc omnes pariter eligerunt sibi Petrum, nobilem virum, filium Dominici Tribuni» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum. III. 35. P. 148*).

брата Джованни II, Орсо, — вовсе не упоминает народа. Согласно хронисту, Джованни II Партечипацио просто сам «сделал своим соправителем другого брата», то есть Орсо¹⁹. Как справедливо отмечает тот же исследователь, данные хрониста в целом подтверждаются документальным источником — грамотой, выданной дожем Пьетро Трибуно монастырю св. Стефана в Альтино. В ней решение о льготах в пользу разрушенного венграми монастыря дож принимает на «публичном собрании» совместно с «господином Витале, святейшим патриархом и всеми епископами, аббатами... а также с первыми лицами и народом земли нашей»²⁰. Однако в том же документе ретроспективно говорится о льготах и покровительстве монастырю, которые ему предоставляли предшественники Пьетро Трибуно на посту дожа: Орсо I Партечипацио (864—881 г.) и неоднократно упоминавшийся выше Джованни II Партечипацио (881—887 г.) «вместе с епископами, и судьями, и народом Венеции»²¹.

Нет оснований, однако, считать венецианское «народное собрание», по крайней мере раннее, структурированным политическим институтом. В частности, далеко не всегда упоминаются «все его социальные компоненты» (то есть в схожих описаниях «народных собраний» те или иные группы населения могут фигурировать, а могут и не фигурировать). Не менее важно, что не выявляется какая-либо определенная корреляция между участием *populus* в принятии решений и характером обсуждаемых вопросов [Gasparri, 1997, p. 63—64]. В *placita* «народ» мог вообще не участвовать, и решения таких собраний считались вполне легитимными. Так было, например, в 960 г.: решение *in publico placito* было принято только дожем, высшим духовенством и «нашими первыми лицами» (*primatibus nostribus*)²².

Нельзя сказать, что у «народных собраний» была и четко фиксированная сфера компетенции. Подтверждением этого является то, что на венецианских «народных собраниях» рассматривались не только вопросы «большой политики». Об этом можно узнать из некоторых источников ненарративного характера. Так, в правление дожа Оттона Орсеоло (1009—1026 г.) было созвано собрание, рассматривавшее довольно частный вопрос — торговлю *pallia* (церковными одеяниями). С этой целью было организовано расследование, и дож явился на народное собрание (*in publico placito*), в котором была представлена знать, «старшие», «судьи нашей земли» (*maiores, iudices nostrae terrae*), «незнатные, средние» (*mediocres*) и «младшие» (*minores*)²³.

Что касается участников «народных собраний» в Венеции, то тут также не было определенности. В значительной степени это связано с лаконичностью источников, но не только. В источниках, причем не только нарративных, но и документальных, состав их участников описывается по-разному. Выразительные примеры приведены в исследовании Г. Рёша. Выше уже отмечалось, что в документе 900 г. в роли участников «народного собрания» (*placitum*

¹⁹ «...Johannes dux alterum germanum suum, Ursum nomine, sibi consortem fecit» (Ibid. III. 31. P. 146). См.: [Gasparri, 1997, p. 78]. Ср.: [Ortalli, 1980, p. 402]: подчеркивает, что при аккламации Пьетро Партечипацио речь шла не просто о формальном одобрении, а о реальной ратификации избрания соправителя со стороны *populus*.

²⁰ «...residente in publico placito nos Petro... imperiali protospatrio et Veneticorum duce, simul cum domno Vitale sanctissimo patriarcha et cunctis episcopis, abatis... pariterque primatibus et populo terre nostre...» (Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille. Vol. II. P. 34. № 25).

²¹ «...secundum concessionem et defensionem, quam... Ursus dux cum Johanne filio suo, cum episcopis et iudicibus et populo. Veneciarum fecit...» (Ibid. P. 35). Это первое упоминание венецианских *iudices*. Кто это такие — вопрос спорный, не вполне ясно, какие именно функции они исполняли, в большей степени политические или юридические. Очевидно, впрочем, что это были лица, принадлежавшие к общественной элите, выступавшие в роли советников дожа, хотя и, по-видимому, не образовавшие какого-то оформленного института. Вероятно также, что *iudices* и *primates* были одними и теми же людьми [Cessi, p. 257—261; Rösch, S. 58—61; Gasparri, 1992a, p. 795—796; Gasparri, 1997, p. 63].

²² Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille. Vol. II. P. 70. № 41.

²³ Cronache veneziane antichissime / A cura di G. Monticolo. Roma, 1890 (Fonti per la storia d'Italia). P. 178—179. *Iudices* (буквально «судьи») были советниками дожа, причем, вопреки наименованию, их компетенция не ограничивалась судопроизводством [Rösch, s. 58; Gasparri, 1992a, p. 796].

publicum) выступают дож, высшее духовенство (патриарх, епископы, аббаты), знать (*primates*) и «народ нашей земли» (*populus terre nostre*)²⁴. В упоминавшемся выше документе 919 г. на собрании в резиденции дожа на Риаальто, которое названо точно так же — *placitum publicum*, — состав принимающих решение изображен несколько иначе: дож, знать («первые лица», *primates*), «верные» (*fideles*) и «часть народа (*populi*) нашей земли»²⁵. Как видно, расплывчатое понятие «народ» (*populus*) могло использоваться как в широком смысле (все принимающие решения), так и в более узком (некая их относительно непривилегированная часть)²⁶.

Кто входил в *populus* в узком смысле слова? Отнюдь не все население Венецианского «дуката». Анализ имен людей, подписывавших документы, принятые на собраниях, показывает, что среди них преобладали лица, принадлежавшие к знаменитым впоследствии аристократическим родам, статус же остальных, как правило, неизвестен. О том же говорит и упоминавшийся выше факт избрания дожа в его «доме», то есть во дворце венецианского аристократа, который, сколь бы просторным он ни был, мог вместить только ограниченное число людей, скорее всего представителей элиты. В то же время имеется свидетельство о том, что реальный состав участников собраний мог быть шире числа «подписантов». Список лиц из 90 имен, подписавших постановление собрания 998 г., запретившее устраивать вооруженные волнения в резиденции дожа, оканчивается указанием: *et plures alii* («и многие другие»). В этом же документе участники собрания дают сами себе такую характеристику: «[мы] все, как судьи (*iudices*) и знатные мужи Венеции, так и незнатные, от мала и до велика»²⁷. Поэтому высказывается предположение о том, что в собраниях могли участвовать (по крайней мере, со времени правления дожа Пьетро II Кандиано, ок. 931 — 939 г.) и представители неаристократических элементов — торгово-ремесленных кругов. При этом в собраниях, теоретически представлявших все свободное мужское население «дуката», на практике участвовали почти исключительно свободные жители венецианской «столицы» — главного острова Лагуны, Риаальто [Rösch, s. 61–68; Gasparri, 1992a, p. 796–798; Gasparri, 1997, p. 71]²⁸.

Участие населения в политике в форме «народных собраний» сопровождалось в Венеции внутренними конфликтами, доходившими до массовых беспорядков и вооруженных столкновений.

В конце 50-х годов X в. в правление дожа Пьетро III Кандиано в Венеции начались смуты из-за притязаний на власть его сына, также Пьетро. Сначала престарелый отец «с одобрения народа избрал его своим соправителем»²⁹. Затем, однако, вооруженные сторонники того и другого собрались на рынке Риаальто для того, чтобы сразиться друг с другом. Но хотя «большая часть народа повиновалась больному и пожилому отцу и хотела убить сына», отец, якобы движимый милосердием, отговорил своих сторонников от этого. В то же время, «желая удовлетворить народ, он приказал изгнать его из отечества». После чего «все, и епископы, и все

²⁴ Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille. Vol. II. № 25. P. 34.

²⁵ «...residente me Ioannes (ошиб., вместо Urso, т.е. дож Орсо II Партечипацио. — П.Л.), divina gratia Venetia[rum] duce, in publico placito una cum nostris primatibus et ibique circumstantibus fidelibus et una parte populi terrae nostrae, et inveniebamus et loquebamur de salute nostrae patriae...» (Ibid. № 31. P. 44. № 31). Понятия *primates* и *fideles* охватывали представителей элиты, но были довольно расплывчатыми и, во всяком случае, по-видимому, не обозначали носителей каких-то конкретных должностей. *Primates* были, очевидно, высшим слоем на территории *ducatus* — области, подвластной венецианскому дожу [Rösch, S. 62–63; Gasparri, 1992b; Gasparri, 1997, p. 63].

²⁶ Об отсутствии однозначного содержания у понятия *populus* в ранневенецианских источниках см.: [Castagnetti, p. 584–585].

²⁷ «...decrevimus omnes tam iudices et nobilles (sic!) homines Venetie qui et mediocres a maximo usque ad minimum» (Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille. Vol. II. P. 161–165. № 81; цитата: P. 162).

²⁸ Об участии представителей неаристократических, торгово-ремесленных кругов в политической жизни на рубеже X–XI в. см.: [Ortalli, 1980, p. 418–420]. См. также о венецианском *populus* в его сопоставлении с новгородским «политическим народом»: [Лукин, 2016].

²⁹ «...populo suggerente consortem sibi elegit» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum. IV. 8. P. 158*). См. об этом: [Ortalli, 1992, p. 763–764].

духовенство вместе со всем народом единодушно поклялись, что никогда не сделают его дожем, ни при жизни отца, ни после его смерти»³⁰.

После смерти Пьетро III в 959 г. ситуация, однако, резко изменилась. Когда об этом стало известно, «все множество венецианцев собралось вместе с епископами и аббатами и, предав забвению клятвы», отправилось на заранее подготовленных почти тридцати кораблях к изгнанному сыну покойного дожа, который находился тогда в Равенне, чтобы снова провозгласить его дожем. Взяв его с собой, они «с большой пышностью доставили его во дворец и снова, дав клятвы верности, сделали его правителем»³¹. С. Гаспарри считает это известие «примечательным» в том смысле, что в нем представлено не «регулярное законное собрание», а действия победившей фракции венецианского «народа», самоорганизовавшейся с помощью совместной клятвы. Такие же проявления политической «турбулентности» отмечаются в других североитальянских городах докоммунальной эпохи. И в то же время исследователь подчеркивает, что степень институционализации как собраний в этих городах, так и «регулярного» «народного собрания» в Венеции в конце X в. не стоит преувеличивать [Gasparri, 1997, p. 75–76]. Здесь есть некоторое противоречие — в чем конкретно заключаются критерии, позволяющие отличить «регулярное» «народное собрание» от «турбулентного», если их политико-правовые последствия по сути дела одинаковы, а состав участников описывается примерно одинаково? Более того, если в 959 г. действует «большая часть народа» (*maior pars populi*), то, как мы видели выше, на вполне «регулярном» «народном собрании» могла принимать общеобязательные решения просто «часть народа» (*par[s] populi*). Что касается соотношения внутренних конфликтов и проблемы легитимности собраний, то прояснить это могут новгородские источники, и об этом, среди прочего, будет говориться ниже.

* * *

История новгородского «народного собрания» — веча — была подробно рассмотрена нами в специально посвященной ему монографии [Лукин, 2018]. И параллели с венецианскими *placita*, несмотря на все несомненные отличия общественного строя и политической культуры, бросаются в глаза³².

Применительно к Новгороду, разумеется, не встает вопрос о римско-византийском наследии, по крайней мере в том, что касается истории политических институтов. Однако своя концепция континуитета сформировалась и в ходе насчитывающего уже столетия изучения веча. Еще в историографии XIX в. общепринятым стало представление о том, что новгородское вече выросло из славянских «племенных» собраний, а Новгородская республика продолжала — будто бы изначально демократические — политические традиции восточнославянских «племен». В советское и постсоветское время реликты этой концепции в сочинениях ряда историков совместились с марксистскими, а позднее со своеобразными националистически-изоляционистскими

³⁰ «...utrarumque parcium milites ad pugnam peragendam in Rivoalto foro convenirent. Sed dum infirmo et vetulo patri maior pars populi obtemperaret filiumque perdere vellet, tandem pater misericordia motus, ne illum occideret rogare caepit. Tamen volens populo satisfacere, extra patriam illum exire iussit» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum. IV. 8. P. 158*). Упомянутый здесь рынок находился, по-видимому, в самом центре острова, у излучины Большого канала, но не на правом берегу (как современный Mercato di Rialto), а на левом. На правом берегу для того времени источниками засвидетельствована скотобойня [Crouzet-Pavan, p. 123].

³¹ «...omnis Veneticorum multitudo una cum episcopis et abbatibus convenere et sacramenta oblivioni tradentes cum trecentis pene navibus preparatis Ravennam, ut supradictum Petrum in ducatus honorem restituerent, properarunt. Quem suscipientes cum tali apparatu ad palatium duxerunt sacramentorumque fide principem iterum recrearunt» (*Giovanni diacono. Istoria Veneticorum. IV. 10. P. 160*). См. об этих событиях: [Ortalli, 1992, p. 764; Gasparri, 1997, p. 75–76].

³² Здесь не место подробно останавливаться на этих различиях, достаточно упомянуть два важнейших момента, имеющих отношение к «народным собраниям»: разные по социальному происхождению и характеру элиты и разная роль, которую играли территориальные объединения (*sestieri* в Венеции и концы в Новгороде; см. об административно-территориальном делении в Венеции: [Климанов]).

интерпретациями, и в результате, несмотря на обоснованную критику этих построений, идеи об архаических, «племенных» основаниях новгородского (и вообще древнерусского) вече не теряют популярности в историографии до сих пор. Характерно, например, следующее высказывание: «Разложение родоплеменного общества не могло не коснуться другой ветви традиционной власти (наряду с “князьями-вождями” и “старейшинами”. — П. Л.) — народного племенного собрания-веча, заметно ослабив, но не прекратив полностью его деятельность. Это породило у некоторых исследователей иллюзию того, будто на Руси в X в. вече если и собиралось, то в исключительных случаях... Думается, вечевая практика имела место и в это время, хотя и была сильно подорвана процессом разрушения старой социальной организации» ([Фроянов, 2012, с. 236–237]; см. также: [Фроянов, 1992, с. 21–74]). Постулирование существования в ранней Руси «родоплеменного строя»; князя в качестве племенных вождей, мифические старцы градские и еще более мифические словенские «старейшины» из Иоакимовской летописи в качестве представителей племенной знати; наименование гипотетических восточнославянских «племенных» собраний вечем; а главное — уверенность в преемственности между ними и древнерусским городским вечем — все это основано не на данных источников, а на априорных теориях и укоренившихся стереотипах и подкреплено лишь словом «думается».

Сторонники «племенного континуитета» распространяют, разумеется, свою концепцию и на новгородское «народное собрание» — вече. Оно якобы существовало еще в глубокой древности: «Созыв старейшин Гостомыслом для обсуждения вопроса о замещении княжеского стола в Новгороде — указание на совет старейшин в действии. Нелепо было бы отрицать «народное собрание» (вече) у ильменских словен, собиравшееся в главном городе племенного союза» [Фроянов, 1992, с. 67]. Гостомысл («старейшина» или посадник) — персонаж, впервые появляющийся в новгородских источниках XV в., сам факт его реального существования находится под вопросом. Хотя эти упоминания и основаны на каких-то подлинных фактах, посадником он, скорее всего, не был, а «старейшины» — понятие литературное, не имевшее отношения к древнерусским социально-политическим реалиям [Лукин, 2018, с. 66–70]. Рассказ в Воскресенской летописи (далее — Воскр.) о «совете старейшин в действии» основан на созданном в начале XVI в. «Сказании о князьях владимирских» и, вместе с изложенными там же легендами о происхождении Рюриковичей от императора Августа, а самого Рюрика из Пруссии, представляет собой вымысел от начала и до конца³³. В составе Воскр. это явная вставка, разрывающая связный текст, восходящий к начальному летописанию, и противоречащая ему (согласно Воскр., получается, что дань «племена» севера Руси платят варягам и восстают против них, но мудрый правитель Новгорода Гостомысл во главе своих «владальцев» отправляет послов не к ним, а «къ нѣмцемъ», в Прусскую землю, и оттуда приходит Рюрик с братьями и племянником Олегом).

«Народное собрание» у новгородских словен, скорее всего, действительно было, но о нем нет никаких конкретных данных, и, в частности, неизвестно, называлось ли оно вечем: в источниках так обозначаются только собрания в древнерусских городах позднейшего времени [Флоря; Лукин, 2018, с. 70–76]. Нет никаких данных и о существовании Новгорода до X в., как нет и оснований усматривать в возникшем в том столетии городе племенной или

---

³³ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 168; Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 175. Об отражении «Сказания» в Воскр. см.: Там же. С. 129–130. Для И. Я. Фроянова аргументом в пользу достоверности рассказа Воскр. служит то, что в нем, в отличие от «Сказания», Гостомысл назван не воеводой, а старейшиной [Фроянов, 1992, с. 63]. Но для этого летописцу не нужно было никакого дополнительного источника: Гостомысл назван старейшиной в двух основных источниках Воскр.: Московском летописном своде конца XV в. и Софийской I летописи (ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 338; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 4; см.: [Шахматов, с. 370]) и, соответственно, в самой Воскр. И — что вполне логично — летописец переименовал Гостомысла и во фрагменте, заимствованном из «Сказания».

межплеменной центр (в частности, ни в самом Новгороде, ни поблизости от него не обнаружено языческих могильников) [Куза, с. 171–172]. Указания в «Повести временных лет» на то, что словене «сѣдоша около езера Илмеря, [и] прозвашася своимъ имянемъ и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ» и держали «княженье... свое в Новѣгородѣ»³⁴, даже если считать их достоверными (хотя они читаются только в тексте, относящемся к началу XII в., и отсутствовали в более раннем «Начальном своде»), говорят не о Новгороде на его нынешнем месте, а в лучшем случае о «прото-Новгороде», то есть, видимо, о поселении на территории Рюрикова Городища у истока Волхова. Оно, в отличие от Новгорода, существовало и в IX в., но было не «племенным центром», а торгово-ремесленным и военно-административным центром, связанным с внешней торговлей, причем значительную часть среди его жителей составляли скандинавы [Носов, 2007, с. 29–30; Носов, 2012, с. 109–118]. Если же обратиться к древнейшим достоверным источникам, мы увидим, что в 40-е годы X в. в Новгороде сидит сын киевского князя Игоря Святослав³⁵. Согласно с этим и данные начального летописания, согласно которому в 947 г. мать Святослава княгиня Ольга отправилась в Новгород «и устави по Мьстѣ погосты и дань...»³⁶. Новгород здесь оказывается отнюдь не «племенным центром», а центром княжеского властвования над прилегающими территориями. Первые намеки на самостоятельную политическую деятельность новгородцев относятся ко второй половине X в., первое упоминание вече — к 1015 г., однако черты политического института вече приобретает лишь в XII в., особенно после событий 30-х годов этого столетия, когда закрепляется так называемая «вольность в князьях», то есть право новгородцев приглашать и изгонять князей из других русских земель. При этом в вече участвуют почти исключительно свободные жители самого Новгорода, но их решения распространяются на всю Новгородскую землю [Лукин, 2018, с. 63–231]. Таким образом, как и в Венеции, «народное собрание» в Новгороде было в большей степени новым, городским, политическим институтом, чем реликтом древних эпох.

Как и в Венеции, «народное собрание» в Новгороде могло называться по-разному. Слово «вѣче» отнюдь не было обязательным для употребления во всех случаях, когда подразумевалось решение «народного собрания». Под 1217 г.³⁷ в Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) читается известие о столкновении новгородцев и псковичей с войском рижского епископа и ливонскими рыцарями. Во время похода стало известно о «лести» (предательстве) чуди, «...и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи, отшедъше далече товарь, а сторожи ночнии бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли; а наѣхаша [немцы] на товары без вѣсти, новѣгородци же побегоша съ вѣчя въ товары»³⁸. В этом известии для характеристики одного и того же собрания используется сначала словосочетание «начаша гадати», а потом — лексема «вѣче». Если бы этот фрагмент заканчивался на словосочетании «без вѣсти» или у летописца не было оснований говорить о бегстве новгородцев, мы бы не имели в своем распоряжении одного из весьма ценных упоминаний этого понятия. Что такое упоминание могло отсутствовать, хорошо видно из более раннего, но довольно похожего известия НПЛ под 1134 г.: «Почаша мѣлвити о Сужьдальстѣи воинѣ новѣгородци и убиша мужь свои и сѣвѣргоша и съ моста въ субботу Пянтикостъную»³⁹. Вполне очевидно, что речь идет о двух однотипных собраниях (хотя и в разных ситуациях), но в одном случае известие более развернуто, и именно в его «распространенной» части

³⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 6, 10.

³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). М., 1989. С. 44–45: «ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδάς, ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος, ὁ υἱὸς Ἰγγωρ, τοῦ ἀρχόντος Ρωσίας, ἐκαθέζετο...» (речь идет об отправлении монохил в Константинополь).

³⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 113; Т. I. Стб. 60.

³⁷ Здесь и далее летописные даты приводятся с учетом исследования: [Бережков].

³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 57.

³⁹ Там же. С. 23.

фигурирует «вече», а во втором — как и вообще в статьях НПЛ за XII в. — вече не упоминается. Это может объясняться разными причинами, но в данном случае важен сам факт «непостоянства» этого обозначения. К этому можно добавить и то известное и уже неоднократно обсуждавшееся обстоятельство, что вплоть до XIII в. в собственно новгородских источниках слово «вѣче» вообще (или почти) не употребляется (впрочем, наряду с таким важнейшим для новгородской социальной истории понятием, как бояре)⁴⁰. «Институционализация» этих понятий происходит постепенно. Когда завершился этот процесс, сказать сложно, но в жалованных грамотах XV в., выданных от имени «всего Великого Новгорода», регулярной становится формула принятия решений «на вѣче на Ярославле дворѣ» («с вѣча съ Ярославля двора»)⁴¹.

Точно так же, как и в Венеции, в Новгороде не было четко определенного состава участников «народного собрания». Правда, тут имеются только поздние данные, поскольку до начала XIII в. в новгородских источниках социальная стратификация почти не получала отражения, а более или менее развитая терминология характерна для еще более позднего времени — XIV—XV в. [Goehrke, 1974, s. 357—358; Алексеев, с. 245—247; Goehrke, 1980, s. 457—458]. Имеет смысл тут обратиться не к летописям, а к грамотам, так как от официальных документов, казалось бы, следует ждать наибольшей терминологической четкости и последовательности.

Выясняется, что социальный состав новгородского веча в источниках мог быть представлен по-разному, и это характерно не только для нарративных текстов, но и для документов. В историографии такие различия принято интерпретировать с хронологической точки зрения. Так, автор одной из лучших работ, посвященных социальной структуре Новгорода, Ю. Г. Алексеев предполагает, что они отражают реальную эволюцию новгородской городской общины: упадок политического значения черных людей (которых он отождествляет с «молодшими»), выделение особой социально-политической группы купцов, усиление житых [Алексеев, с. 254—264]. Однако если посмотреть на те грамоты, в которых упоминается вече, картина получается несколько иная. Например, в жалованной грамоте Новгороду крестьянам Терпилова погоста 1422—1423 г.⁴² отдельные социальные категории вообще отсутствуют: «Господину посаднику новгородцкому Василью Микитину, тысяцкому новгородцкому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду, на вѣче на Ярославле дворѣ»⁴³. В грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1450 г. пожалование совершают «посадникъ Великого Новагорода Дмитри Васильевич и вси старьи посадники, и тысяцкой Великого Новагорода Михаило Андрѣвич и вси старьи тысяцскіи, и бояре, и житьи люди, и купци, и весь господинъ Великийи Новѣгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ»⁴⁴. Черных людей нет. Однако в грамоте 1461 г. Новгороду Василию Темному о предоставлении черного бора мы их видим: «От посадника Великого Новагорода степенного Офонаса Остафьевича, и от всѣхъ старыхъ посадниковъ, и от тысяцкого Великого Новагорода степенного Михаила Ондрѣевича, и от всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и от бояръ, и от житыхъ людей, и от купцовъ, и от черныхъ людей, и от всего Великого Новагорода. На вечѣ

⁴⁰ См. об этом, например: [Свердлов, с. 53—54]. О том, что в раннее время в Древней Руси «народные собрания» могли называться по-разному, см. также: [Лукин, 2005; Вилкул, с. 26—31].

⁴¹ Впервые — в грамоте, устанавливающей размер поралья и потуг крестьянам Терпилова погоста 1422—1423 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка (далее — ГВНП). М.; Л., 1949. С. 146. № 89). Т. Л. Вилкул предположила, что сохранение в этот период слова «вѣче» «в устойчивых формулах» может свидетельствовать о том, что оно «начало выходить из употребления» [Вилкул, с. 25—26, примеч.]. Однако эта формула, насколько можно судить по сохранившимся актам, только появляется в XV в. Кроме того, лексема «вѣче» используется в это время в различных контекстах и отнюдь не только в составе «формул» [Лукин, 2018, с. 266—378].

⁴² Здесь и далее датировка новгородских грамот приводится с учетом наблюдений В. Л. Янина и Н. А. Казаковой: [Янин, 1991].

⁴³ ГВНП. С. 146. № 89.

⁴⁴ Там же. С. 150—151. № 95.

на Ярославль дворъ»⁴⁵. Означает ли это, что за 11 лет политическое значение черных людей резко возросло и они вновь обретают право участвовать в вече, чего они были лишены ранее? По логике Ю. Г. Алексеева, выходит именно так.

Кроме того, историк утверждает, что «из формуляров грамот 50–70-х годов XV в. исчезают черные люди, зато появляются купцы...», и это должно свидетельствовать о «каких-то важных процессах в общественно-экономической жизни вечевых городов» [Алексеев, с. 256–257]. Однако данные источников этому противоречат.

Во-первых, если обращаться не только к договорным, но и к другим грамотам, выясняется, что черные люди в их формулярах продолжают упоминаться. Так, они фигурируют в грамоте Соловецкому монастырю 1468 г.: «Господину преосвященному архіепископу Великого Новагорода и Пскова владыкы Юны, господину посаднику Великого Новагорода степенному Ивану Лукиничю и старымъ посадникамъ, господину тысячкому Великого Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житымъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину государю Великому Новугороду, всимъ пяти концемъ, на вѣщъ на Ярославль дворъ»⁴⁶. В грамоте Новгородца задвинским землям августа 1471 г., выданной уже после поражения новгородцев на Шелони, то есть незадолго до потери независимости, вновь появляются черные люди: «От посадника степенного новугородского Тимофея Остафьевича, и от всѣхъ старыхъ посадниковъ, и от тысяцкого степенного Василиа Максимовича, и от старыхъ тысяцкихъ, и от бояръ, и от житыхъ людеи, и от купцевъ, и от черныхъ людеи, и ото всего Великого Новагорода, с вѣча съ Ярославля двора...»⁴⁷. Они есть и в опасной грамоте Новгородца ганзейским купцам 1472 г. (в ней вече прямо не упомянуто): «К г(о)с(поди)ну пресвещенному арьхиепискупу Великого Новагорода и Пскова вл(ады)кы Феофилю и посаднику степенному Григорьи Михайловичъ и к старымъ посадникамъ и к тысяцкимъ степенному Василью Максимовичъ и к старымъ тысяцкимъ, к бояромъ и к житымъ (sic) и к купечькимъ старостамъ и к купчамъ и к купечькимъ детемъ и к чернымъ людемъ и ко всему нашему г(о)с(у)д(а)рю Великому Новугороду»⁴⁸.

Во-вторых, в последней по времени новгородской грамоте, в которой упоминается вече, — жалованной грамоте Новгородца Троице-Сергиеву монастырю 1477 г. — нет не только черных людей, но и других групп новгородского «политического народа», включая бояр: «По благословенію господина преосвященного архіепископа Великого Новаграда и Пскова владыкы Феофила господинъ посадникъ степенный Великого Новогорода Михаила Семеновичъ и старыи посадники, и господинъ тысяцкйи степенный Феодоръ Лукиничъ и старыи тысяцкыи, и весь господинъ государь Великий Новъгородъ, на вѣчи на Ярославль дворъ»⁴⁹. Абсурдно было бы, разумеется, думать, что бояре, житыи и купцы разом утратили в это время политическое влияние. Та же ситуация и с теми договорными грамотами, на которые ссылается Ю. Г. Алексеев: в них вообще отсутствует подробное перечисление социальных категорий. Историк акцентирует внимание также на том, что в ряде грамот этого времени фигурируют отдельные послы от житых, а от черных — нет. Однако это вещь вполне естественная: житыи были вторым по значимости после бояр новгородским «сословием». Отдельных послов от купцов, политическое значение которых, по мнению Ю. Г. Алексеева, в этот период растет, тоже не было [Алексеев, с. 256]. Да и сами купцы могли появляться в формулярах грамот ранее 50-х годов XV в. Например, в

⁴⁵ Там же. С. 38–39. № 21.

⁴⁶ Там же. С. 152. № 96.

⁴⁷ Там же. С. 154. № 98.

⁴⁸ Latvijas valsts vēstures arhīvs. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 12. Lp. 2. См. подробнее: [Лукин, 2015]. «Государь» под титлом раскрывается условно, для унификации с чтениями в ГВНП; на самом деле, во всех случаях читать следует, по-видимому, «господарь».

⁴⁹ ГВНП. С. 155–156. № 101.

двух грамотах соответственно архиепископа и светских властей Великого Новгорода 1417 г., сохранившихся в средненижненемецком переводе и адресованных Риге, Дерпту и Ревелю, из социальных категорий фигурируют в одном случае бояре и купцы, в другом — только купцы («купеческие дети», *koeplude kindere*)⁵⁰. Если бы купцы, как полагает Ю. Г. Алексеев, выступали в таких договорах только «в своем профессиональном... качестве» [Алексеев, с. 257–258], непонятно, почему тогда в грамоте ГВНП № 55 они упомянуты наряду с боярами. Действительно, можно думать, что их профессиональная деятельность имела тут значение, но вряд ли ее можно отделить от социального статуса.

В-третьих, летописные данные не оставляют сомнений в том, что черные люди на практике не прекращали принимать участие в вече вплоть до утраты Новгородом независимости. Особые послы от черных людей к осадившему Новгород Ивану III фигурируют в летописи даже в 1478 г.⁵¹ Поэтому отсутствие черных людей в перечне новгородских социальных категорий в договоре (или проекте договора) Новгорода с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV не может само по себе служить свидетельством их отстранения от участия в политической жизни. Они вполне могут быть включены, как и в ряде других случаев, в обобщающее понятие «весь Великий Новгород»⁵².

Все это, разумеется, не отменяет реальности социальной эволюции в Новгороде. В частности, можно думать о том, что «сословная» группа купцов действительно кристаллизовалась довольно поздно. Однако единичные факты отсутствия той или иной социальной категории в подобных перечислениях могут зачастую не свидетельствовать об утрате ею политико-правового значения, а показывать, сколь расплывчатой и не всегда «обязательной» была терминология средневековых источников, даже правовых, и сколь непросто шел процесс политико-правовой институционализации. Изучать же его оказывается возможным только на основе комплексного и полного анализа всех имеющихся источников.

Не было у новгородского веча и вполне определенной сферы компетенции. Не существовало, с одной стороны, вопросов, которые оно не могло рассматривать, с другой — вопросов, которые имело право рассматривать только оно одно, причем эта ситуация, несмотря на постепенный процесс институционализации «народного собрания», сохранялась вплоть до падения Новгородской республики [Лукин, 2018, с. 287–297].

Новгородские летописи изобилуют и известиями о конфликтах и даже вооруженных столкновениях на вече или так или иначе связанных с «народными собраниями». Поскольку новгородское вече, как известно, просуществовало до падения новгородской самостоятельности в 1478 г., данных о таких конфликтах неизмеримо больше, чем в Венеции. Поэтому имеется возможность более предметно рассмотреть вопрос о (не)легитимности подобных «конфликтных» собраний, который, как мы видели, был поставлен и применительно к Венеции.

В историко-правовой науке второй половины XIX — начала XX в. шла дискуссия о «законных» и «незаконных» вечевых собраниях и о критериях такой законности. И уже тогда в общем-то стало ясно, что такие критерии не обнаруживаются. Как вполне справедливо писал М. А. Дьяконов, «[у]становить отличительные признаки нормальных или законных вечевых собраний совершенно невозможно» ([Дьяконов, с. 103]; см. также: [Владимирский-Буданов, с. 335–337]). Однако попытки все-таки найти такие критерии встречаются и в новейшей литературе. Так, М. А. Несин недавно предложил весьма сложную концепцию, согласно которой «крамольными» (противопоставляемыми им «обычному вечу») в Новгороде считались сходки людей, «не вписывающихся в цельные районные объединения по принципу (? — П.Л.) концов,

---

⁵⁰ Там же. С. 92–94. № 54, 55.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 82. См. подробнее: [Лукин, 2018, с. 332–338].

⁵² ГВНП. С. 130. № 77. Ср.: [Алексеев, с. 256].

сторон, улиц». При этом, однако, такие сходки тоже могли называться «вечем» ([Несин, 2016]; см. также: [Несин, 2015, с. 30–31]).

Проблема таких попыток заключается не только в том, что они не поддерживаются сколько-нибудь убедительными аргументами⁵³, но и в том, что они не соответствуют как представлениям участников таких собраний, так и тому, как они описываются в источниках. В качестве примера можно привести события 1331 г., которые получили отражение в послании немецких купцов, находившихся в Новгороде, властям Риги.

В ходе конфликта между новгородцами и немецкими купцами произошло столкновение, и один русский был убит. Наутро русские вооружились и созвонили вече. В документе специально подчеркивается, что «на вече, на княжеский двор, собрались все новгородцы, вооруженные и с развернутыми знаменами»⁵⁴ [Лукин, 2018, Приложение 2, с. 545–546]. С этого вечера на немецкий торговый двор были отправлены послы, которые требовали выдачи виновных в убийстве и угрожали немцам смертью. Когда немцы заперли свой двор, «пришли русские с веча с оружием и знаменами и стали рубить ограду и ворота»⁵⁵ [Лукин, 2018, Приложение 2, с. 546–547]. Начался погром и грабеж двора св. Петра, который продолжался, пока не явился «судья князя» (*des konighes rechter*) и не «прогнал русских со двора». В дальнейшем вече присылает уже других послов, среди которых был Матфей Козка — сын посадника Варфоломея Юрьевича и сам в скором будущем посадник, — и они ведут уже предметные переговоры о возмещении ущерба в более спокойной обстановке [Лукин, 2018, Приложение 2, с. 547–557].

В предложенной немцам властями Новгорода грамоте, в которой определялись условия примирения, действия вечевых погромщиков характеризовались так: «Что какая-то безрассудная толпа русских устроила набег без новгородского слова на Немецкий двор, о том немцы не

⁵³ Интерпретации М. А. Несина либо носят казуистический характер, либо ошибочны. Так, он придает особое значение слову «крамола», считая, что, раз оно употребляется применительно к вечу 1228 г., то это «деятельность, нарушающая вечевую законность» [Несин, 2015, с. 31]. Автор проигнорировал или искажил приведенные нами ранее аргументы, главным из которых является то, что участники «незаконной» деятельности сменяют владыку (кстати, последующее отстранение архиепископа Антония, в пользу которого они выступали, в летописи объясняется не тем, что его незаконно вернули на кафедру, а его тяжелой болезнью) и, по сути, создают новый институт для контроля над владычным двором, пусть и оказавшийся временным и краткосрочным (о важности его будет говориться подробно в продолжении данной работы; ПСРЛ. Т. III. С. 67–68). То, что автор летописных статей в НПЛ за 6736–6737 г., в составе которой читаются известия о смене владык в 1228 и 1229 г., был летописцем архиепископов Спиридона и Далмата, — это не наша гипотеза, а достаточно твердо установленный факт, причем другим исследователем — А. А. Гишпиусом [Гишпиус, 2006, с. 213–215]. Попытки же приписать слову «крамола» конкретное и узкое значение («крамолой считалась... политическая деятельность группы горожан, не связанная с городскими или районными вечевыми собраниями» [Несин, 2016, с. 5]) лишены оснований. В той же НПЛ точно так же, как и действия «простой чади» в 1228 г., характеризуются и междоусобицы князей — как великая крамола (ПСРЛ. Т. III. С. 72–73; М. А. Несин игнорирует это упоминание). И характеристика эта принадлежит тому же летописцу, что был автором статей за 6736–6737 г. [Гишпиус, 2006, с. 215]. Отсюда становится ясным, что «великой крамолой» для него были всякие действия, которые он считал преступными и противоречащими Божьей воле. То обстоятельство, что в «великой крамоле» оказались повинны князья, естественно, не делало их «незаконными» в его глазах. Столь же искусственна и предложенная М. А. Несиным трактовка других известий, в которых упоминаются крамола или крамольники. Например, возведенный «крамольниками» в 1332/1333 г. в посадничество Захарья Михайлович фигурирует в списках посадников, чего не могло бы быть, если бы его магистратура считалась в Новгороде нелегитимной (ПСРЛ. Т. III. С. 164, 472). Он происходил из знатнейшего боярского рода, члены которого неоднократно избирались посадниками и представляли в посадничестве Прусскую улицу и Плотницкий конец (в частности, посадниками были дед, отец и два сына Захарьи; см.: [Янин, 1991, с. 15, 19–21, 27–29]). Предполагать, как это делает М. А. Несин, что он был ставленником каких-то лиц, не представлявших свои кончанские объединения, нет ни малейших оснований. И уж полным насилием над источником является объявление грабежей «крамольников» на новгородском Торгу в 1291 г. «политической деятельност[ью] (! — П.Л.) группы горожан, не связанн[ой] с городскими или районными вечевыми собраниями» [Несин, 2016, с. 4–5].

⁵⁴ «...were(n) de meyne(n) Naugarder kome(n) altomale, wapent vn(de) mit vphgerechten banyre(n), in dat dinc vppe des konighes houe».

⁵⁵ «...queme(n) de Rusce(n) vt deme di(n)ghe mit wapene(n) vn(de) mit banyre(n), vn(de) howe(n) plancke(n) vn(de) porte(n)».

должны больше вспоминать»⁵⁶ [Лукин, 2018, Приложение 2, с. 553]. Иными словами, эти действия признаны нелегитимными, выражаясь русскими понятиями, «крамольными». Однако мы помним, что истреблением немцам грозили отнюдь не отдельные «крамольники», никого не представлявшие, а «все новгородцы» и громить двор св. Петра участники веча ходили не с камнями и палками, а с оружием и знаменами. Наличие оружие ясно указывает на то, что это были не «сырые и убогие», не отбросы общества. А что символизировали знамена (*banyren*)?

Во Пскове знамена («стяги») отличали территориальные воинские отряды [Никитский, 1870, с. 18; Никитский, 1873, с. 163–164]. В 1498 г. по приказу московского великого князя Ивана III псковское войско должно было выступить к Ивангороду. «И князь псковской не послушался, — сообщает псковский летописец, — и посадники псковские Леонтеи Тимофеевич, и посадник Борис Ондраевич, и по два боярина с конца... и по том пригороды съехались ко Пскову со всею ратною приправою и стягами»⁵⁷. Здесь прямо сказано о стягах, с которыми пришли ополчения из псковских «пригородов» — более мелких, чем Псков, и подчиненных ему городов Псковской земли. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что свои стяги были и у кончанских ополчений. Так же, видимо, обстояло дело и в Новгороде. Во всяком случае, в новгородской летописи при описании так называемого восстания Степанка 1418 г. также фигурируют стяги: «Слышавъ же народ, яко изиманъ бысть Степанко, начаша звонити на Ярославли дворъ вѣче, и сбирахуся людии множество, кричаху, вопиюще по многы дни: “пойдем на оногю боярина (Даниила Божиана, обидчика Степанка. — П. Л.) и дом его расхытим”. И пришед в доспѣсах съ стягом на Кузмадемиану улицу, пограбиша дом его и иных дворовъ мѣного, и на Яневѣ улицѣ берегъ пограбиша»⁵⁸. События 1418 г. носили характер противостояния новгородских сторон, на которые разделял город Волхов, и «множество людей» в доспехах были жителями Торговой стороны, атаковавшими улицы стороны Софийской. Их стяг, по-видимому, был знаменем одного из кончанских объединений Торговой стороны, вероятнее всего — Славенского конца, жители которого были настроены наиболее агрессивно в это время по отношению к боярству Софийской стороны (см. об этом: [Янин, 2003, с. 336–337]). Поэтому знамена (*banyren*) громивших Немецкий двор в 1331 г. новгородцев тоже, судя по всему, принадлежали вполне «легитимным» территориальным объединениям — концам и/или улицам, тем более что, как уже давно установлено, в структурном отношении военная организация Новгородской республики была тесно связана с территориально-политической (кончанско-уличанской) организацией (см.: [Рабинович]).

Однако то обстоятельство, что атака на Немецкий двор была организована новгородскими территориально-политическими объединениями и, можно думать, санкционирована вечем, как мы видели, не помешало служилому человеку князя прекратить ее, а властям Новгорода впоследствии — провозгласить «незаконной», осуществленной якобы вопреки «новгородскому слову» — постольку, поскольку это было выгодно для дальнейшего ведения переговоров с немцами.

Таким образом, оппозиция «законности» и «незаконности» применительно к вечевым собраниям и к проявлениям коллективной политической активности горожан вообще оказывается нерелевантной: она не помогает осмыслить эти явления. Для средневекового права в принципе были характерны фрагментарность и неполнота, многие важнейшие вопросы «не были однозначно определены законом» и решались в зависимости от конкретной ситуации. «Не закон, — отмечает исследователь, — недвусмысленно определявший права и обязанности заинтересованных сторон и создававший на будущее обязательную норму, но обычай, изменчивый в зависимости от места,

⁵⁶ «Wat dorichteghes volkes va(n) Rusce(n) heuet ghelope(n) su(n)der der Nōgarder wort vppe der Dusche(n) hof, dat scole(n) de Dusche(n) nicht mer dencke(n)».

⁵⁷ ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. С. 82.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 409.

времени, лиц и бесчисленных жизненных обстоятельств, определял все наиболее существенные стороны феодально-правовой действительности» [Гуревич, с. 150–151]. Это вполне применимо к Новгороду, где, как мы убедились, «законность» вечевых собраний также зависела не от каких-либо формально-правовых критериев, а определялась в зависимости от ситуации, причем — в случае внутреннего конфликта — разными его сторонами по-разному. Таким же образом должен, следовательно, решаться и вопрос о «законных»/«незаконных» собраниях и в Венеции. И это тот случай, когда более богатый новгородский материал дает возможность прояснить спорную проблему венецианской истории.

Известны в Новгороде и быстрые перемены в «общественном мнении», которые отражались в том, что одни вечевые решения достаточно быстро сменялись прямо противоположными, и это, заметим, никак не влияло на «законность» как самих собраний, так и принимаемых на них решений. В 1155 г. на новгородский стол был посажен сын ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого Мстислав. Это произошло при следующих обстоятельствах. За некоторое время до этого из Новгорода ушел князь Ростислав Мстиславич, оставив в Новгороде на княжение своего сына Давыда. Однако новгородцы «възнегодоваша» на Ростислава, «зане не створи имъ ряду, нъ боле раздъра, и показаша путь по немъ сынови его». Именно тогда новгородцы «послаша владыку Нифонта съ передьними мужи къ Гюргеви по сынъ, и въвѣдоша Мъстислава, сына Гюргева, генваря въ 30»⁵⁹. Новгородцы, судя по летописному изложению, с большим энтузиазмом пригласили Мстислава Юрьевича, однако уже через два года все изменилось: «Бысть котора зла въ людъхъ, и въсташа на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода». Хотя у Мстислава нашлась поддержка на Торговой стороне и произошли столкновения между жителями двух сторон («търговыйи же поль сташа въ оружии по немъ; и съвадишася братья, и мость переимаша на Вълхове, и сташа сторожи у городьныхъ воротъ, а друзии на ономъ полу, малы же и крѣви не проляша межи собою»), князь был все же изгнан из города⁶⁰.

Здесь мы видим как бы зеркальное отражение венецианской ситуации 50-х годов X в.: там соправитель дожа сначала был изгнан по воле «народа», а потом — и вновь по желанию «всего множества венецианцев» — возвращен из изгнания и провозглашен дожем. Содержательно же ситуации почти идентичны. В обоих случаях речь идет об очень быстрой перемене позиции «народа», выразившего свою волю на «народных собраниях». Конечно, здесь определенную роль могли играть и риторические стратегии венецианского хрониста и новгородского летописца (стремление выдать решение, подготовленное какими-либо группами элиты, за «общенародную» волю), и неразвитость «политического языка», оперировавшего довольно расплывчатыми понятиями типа *populus* или «новгородцы». Принципиально, однако, это дела не меняет: в обоих случаях «народные собрания» участвовали в принятии решений, и эти решения могли меняться на противоположные под воздействием привходящих обстоятельств.

* * *

Активное участие довольно больших групп населения в политической жизни в форме «народных собраний», в условиях отсутствия четкого его институционального оформления, не могло не приводить к нестабильности. Такие собрания в любой момент могли превратиться в волнения, погромы, расправы с неугодными лицами, стать ареной противостояния, в том числе вооруженного, различных кланов и территориально-политических группировок, которые всегда

⁵⁹ Там же. С. 29.

⁶⁰ Там же. С. 30. По мнению Т. А. Вилкул, новгородский летописец отметил выступление жителей Торговой стороны на стороне князя Мстислава Юрьевича, «стараясь смягчить впечатление» от его изгнания [Вилкул, с. 346–347]. Непонятно, на чем основана уверенность автора в чисто литературном происхождении этого свидетельства. Наличие развитых кланово-территориальных идентичностей в Новгороде XII в. не подлежит сомнению, и подтверждается это не только летописными данными, но и, например, берестяной грамотой № 954 (см. об этом: [Гиппиус, 2012, с. 124–127; Lukin, p. 300–301]).

были готовы манипулировать вечевой стихией. Многочисленные примеры этого хорошо известны из новгородской истории. В раннее время нечто подобное происходило и в Венеции. Но если в Новгороде, несмотря на рост политического и экономического могущества боярства, особенно в XIV–XV в., вече — вопреки некоторым оценкам — продолжало существовать и активно действовать вплоть до конца новгородской независимости, в Венеции политическое развитие пошло по другому пути. Венецианской элите удалось в значительной степени погасить внутренние раздоры, консолидироваться и сначала поставить под свой контроль «народное собрание», ограничив его полномочия, потом превратить его в чисто ритуальный орган, а в конце концов и вообще фактически ликвидировать его. Это, как представляется, стало весьма существенным фактором эволюции обеих средневековых республик и в конечном счете оказало значительное воздействие на их судьбу. Попытка сопоставления этих весьма различных путей развития и их результатов будет предпринята в другой статье, которая должна стать продолжением данной работы.

Литература

- Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 242-274.
- Андреев В. Ф. Проблемы социально-политической истории Новгорода XII–XV вв. в советской историографии // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. [Вып.] 1 (11). С. 119-145.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI — XIII вв. М., 2009.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 (первое изд.: Киев, 1908).
- Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М., 2006. С. 114-251.
- Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы круглого стола. Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г. СПб., 2012. С. 121-135.
- Графова М. А., Лукин П. В. Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода // Российская история. 2016. № 4. С. 156-170.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007.
- Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. М.—Л., 1926.
- Климанов Л. Г. Венеция: социально-пространственная структура средневекового островного города и его опорные (базовые) магистратуры (*capita sexteriorum, domini noctis, capita contratarum*) // Античная древность и средние века. 2008. Вып. 38. С. 196-217.
- Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144-201.
- Лукин П. В. К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // Древнейшие государства в Восточной Европе. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. 2003 год. М., 2005. С. 132-143.
- Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. IV. № 1. С. 253-265.
- Лукин П. В. Средневековый Новгород как европейская городская коммуна? Итальянские параллели // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2016. Т. 7. Вып. 6 (50) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001576-2-1> (дата обращения: 11.12.2016).
- Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
- Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс]. История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I. URL: http://www.geenactor.ru/ARH/PDF/Nesin_02.pdf (дата обращения: 13.06.2018).
- Несин М. А. Крамолы и крамольники в Новгороде XIII–XIV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. 2016. Т. 2. № 2 (URL: <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/48/45> (дата обращения: 09.06.2018)).

- Никитский А. И. Военный быт Великого Новгорода XI—XV ст. (Исторический очерк) // Русская старина. 1870. Т. I. С. 5-33.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
- Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции, 4–7 октября 2005 г. СПб., 2007. С. 23-58.
- Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 92-119.
- Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевового уклада). СПб., 2003.
- Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. С. 54-61.
- Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Севастьянова О. В. Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011.
- Флоря Б. Н. Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник Московского университета. Серия 8. «История». 2012. № 5. С. 3-9.
- Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Фроянов И. Я. Об эволюции вечевой и княжеской власти в Киеве (конец X — середина XII в.) // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексева. М., 2012. С. 233-259.
- Халявин Н. В. Вопрос о присоединении Новгорода к Москве в отечественной историографии 1917–1990-х годов // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. № 1. С. 12-18.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Янин В. Л. Новгородские акты XI—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- Ammerman A. J. Venice before the Grand Canal // Memories of the American Academy in Rome. 2003. Vol. 48. P. 141-158.
- Castagnetti A. Insediamenti e “populi” // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini – età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. P. 577-612.
- Cessi R. Venezia ducale. Venezia, 1963. [Vol]. I. Duca e popolo.
- Cracco Ruggini L. Acque e lagune da periferia del mondo al fulcro di una nuova “civitas” // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini – età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. P. 11-79.
- Crouzet-Pavan É. Le Moyen Âge de Venise: Des eaux salées au miracle de pierres. Paris, 2015.
- Fasoli G. Comune Veneciarum // Venezia dalla prima crociata alla conquista di Costantinopoli del 1204. Firenze, 1965. P. 71-102.
- Fiastrì G. L'assemblea del popolo a Venezia come organo costituzionale dello stato // Nuovo archivio veneto. Periodico storico trimestrale. 1913. № 1. P. 5–48; № 2. P. 340–380.
- Fortini Brown P. The Self-Definition of the Venetian Republic // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy / Ed. by A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Ann Arbor, 1991. P. 511-548.
- Gasparri S. Dagli Orseolo al comune // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini – età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. P. 791-826 [Gasparri, 1992a].
- Gasparri S. Venezia fra i secoli VIII e IX. Una riflessione sulle fonti // Studi veneti offerti a Gaetano Cozzi. Venezia, 1992, P. 3–18. URL: <http://www.rmoa.unina.it/1001/1/RM-Gasparri-Venezia1.pdf> (дата обращения: 16.04.2018). [Gasparri, 1992b]
- Gasparri S. Venezia fra l'Italia bizantina e il regno italico: la civitas e l'assemblea // Venezia. Itinerari per la storia della città / A cura di S. Gasparri, G. Levi e P. Moro. Bologna, 1997. P. 61-82.
- Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964. Sigmaringen, 1974. (Vorträge und Forschungen. Bd. XI). S. 357-378.
- Goehrke C. Gross-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Russlands / Hrsg. von M. Hellmann, K. Zernack, G. Schramm. Stuttgart, 1980. Bd. I. Von der Kiever Reichsbildung bis zur Moskauer Zartum / Hrsg. von M. Hellmann. S. 432-483.
- Krekić B. Dubrovnik in the 14th and 15th centuries. A City between East and West. Norman OK, 1972.
- Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Gotha, 1905. Bd. I. Bis zum Tode Enrico Dandolo.
- Lübke Chr. Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen). Berlin, 1984.

- Lukin P. V. Urban Community and Consensus. Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim from the 11th to 15th Centuries / Ed. by W. Jezierski and L. Hermansson. Amsterdam, 2016. P. 279-306.
- Marin Ş. A Double Pathfinder Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles // Annuario dell'Istituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. 2010–2011. XII–XIII. Bucarest, 2015. P. 41-122.
- Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles) / Sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova. Charenton-le-pont, 2015.
- Ortalli G. Venezia dalle origini a Pietro II Orseolo // Delogu P., Guillou A., Ortalli G. Storia d'Italia. Torino, 1980. Vol. I. Longobardi e Bizantini. P. 341-438.
- Ortalli G. Il ducato e la "civitas Rivoalti" tra carolingi, bizantini e sassoni // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini – età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. P. 725-790.
- Pertusi A. Quedam regalia insignia. Ricerche sulle insegne del potere ducale a Venezia durante il medioevo // Studi veneziani. 1965. [Vol.] VII. P. 3-123.
- Ravegnani G. Insegne del potere e titoli ducali // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini – età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. P. 829-846.
- Ravegnani G. Venezia bizantina // Porphyra. 2008. A. V. № 11. P. 5–13. URL: <http://www.porphyra.it/Porphyra11.pdf> (дата обращения: 29.04.2018).
- Rösch G. Der venezianische Adel bis zur Schließung des Großen Rats. Zur Genese einer Führungsschicht. Sigmaringen, 1989. (Kieler Historische Studien. Bd. 33).
- Sevastyanova O. In Quest of the Key Democratic Institution of Medieval Rus': Was the *Veche* an Institution that Represented Novgorod as a City and a Republic // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. 2010. Bd. 58. Heft 1. S. 1-23.
- Zordan G. L'ordinamento giuridico veneziano. Lezioni di storia del diritto veneziano con una nota bibliografica. Padova, 1980.

Pavel V. Lukin

Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE MEDIEVAL "DEMOCRACY": POPULAR ASSEMBLIES IN NOVGOROD AND VENICE

The author makes an attempt at comparative study of assemblies of two medieval polities: Novgorod and pre-communal Venice (*veche* and *arengo*, respectively). In this article the first part of the study is presented which deals with quite a huge role played by assemblies in both Novgorod and pre-communal Venice. One of the main conclusions is that those gatherings despite being arenas for more or less mass participation in politics at the same time constantly created instability.

Keywords: Novgorod, Venice, veche, arengo, comparative approach